

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

Обов'язковий примірник

29086882
115
115
115

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

МОТИВ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, КАК ОБЪЕКТ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОЙ ИГРЫ В РОМАНАХ В. НАБОКОВА «ПОДВИГ» И «ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ СЕБАСТЬЯНА НАЙТА»

Целью данной статьи является исследование мотива железной дороги как объекта метатекстуальной игры в романах В.Набокова.

О литературном наследии такого автора, как Набоков, написано множество работ, однако по-прежнему далеко не все любопытные аспекты его произведений попали в поле зрения историков литературы. Так, например, мотив железной дороги, входящий в состав обширного пласта урбанистической поэтики Набокова, до сих пор не получил должного освещения в трудах литературоведов. Именно поэтому анализ данного мотива, выполняющего в творчестве Набокова не только функцию мощного топологического генератора, но и подчас двигающего сюжет, представляется актуальным.

Опыт сопоставительного прочтения романов Набокова «Подвиг» и «Истинная жизнь Себастьяна Найта» был предпринят в докладе эстонского исследователя Григория Утгофа в 2000 году в рамках Международной набоковской конференции. Однако внимание исследователя было сосредоточено в основном на кембриджской топографии, тех английских декорациях обоих романов, сквозь которые и Мартын, и Себастьян Найт выходят в мир, получив образование, а также на тех моментах «кембриджского текста» Набокова, которые присутствуют в его книге мемуаров «Другие берега» и, таким образом, являются частью автоматекстуальной игры автора с топографией, топонимикой, атмосферой и духом Кембриджского университета. Тем не менее при внимательном прочтении обоих романов становится очевидным, что Набоков играет отнюдь не только «кембриджскими» фрагментами текста. Железнодорожный топос первого англоязычного романа писателя вбирает в себя мотивы характерные для всей системы метаромана Набокова: от связи героя с псевдоизбранницей (Мартын — Алла, Себастьян — мадам Лесерф) до архетипического для всего набоковского творчества мотива поисков потерянного рая, а также микросюжеты, персонажей, аллюзии, цитаты и мотивы не только романа «Подвиг», но и многих набоковских рассказов, например, таких, как «Весна в Фиальте», «Облако, озеро, башня».

В нашем исследовании использованы методы: интертекстуальный, мотивного анализа, мифопоэтический.

Материалом для исследования послужили тексты романов «Подвиг» (1932) и «Истинная жизнь Себастьяна Найта», написанного В. Набоковым в декабре 1938 — январе 1939 года.

По мнению Оливье Ролена, «<...> все книги Набокова могут быть прочитаны как «железнодорожная симфония» [8, С.45]. И это действительно так, ведь железнодорожный топос, сформированный русской литературой XIX века, в произведениях В. Набокова не только обрастает мощнейшей литературной традицией и вбирает в себя огромное число интенциональных смыслов, но и выступает в качестве универсального металитературного приёма организации сюжета, структуры и поэтики произведения.

Для того чтобы понять, как же строит гений шахматных задач Набоков свою игру, следует остановиться на ключевых моментах метатекстуального взаимодействия этих двух текстов, не забывая и о включении Набоковым в эту игру текста собственной биографии.

Итак, фрагмент текста романа Себастьяна Найта «Стол находок», с помощью которого его брат в первой главе произведения пытается восста-

новить детское мироощущение Себастьяна, буквально фактически совпадает с описанием южной ночи, которую в романе «Подвиг» видит Мартын из окна вагона (причем в «Подвиге» на эту сцену как бы наводится тройная рамка, она дважды повторяется в детских воспоминаниях Мартына, и только затем матовый фонарь на станции, бабочка и ящик с надписью «Fragile» материализуются для героя). В тексте романа «Стол находок» этот фрагмент провоцирует появление, пусть даже в виде тени, для Себастьяна образа матери, которая оставила героя, так, как затем бросит и сведет его в могилу её двойник — мадам Лесерф (Нина Речная). У героя романа «Подвиг» образ матери присутствует в воспоминании на уровне звуковых образов: «стали доноситься странно бесплотные вагонные звуки, чей-то бубнящий голос, чей-то кашель, потом прошел по коридору голос матери» [1, С.37]. Южная ночь на неизвестной станции, матовый фонарь и бабочка для Мартына воплощают **детский рай и семейное счастье**.

Следует отметить также, что если Себастьян Найт унаследовал от матери «странную, почти **романтическую страсть к спальным вагонам** и знаменитым европейским экспрессам», то Мартын именно после путешествия, предпринятого его родителями на французскую Ривьеру, «страстно полюбил поезда, путешествия, дальние огни и раздирающие вопли паровозов в темноте ночи, и яркие паноптикумы мгновенных полустанков, с людьми, которых не увидишь больше никогда» [1, С.31]. Юг Франции для героев «русского» метаромана Набокова традиционно представляет собой нечто вроде субститута потерянного рая, туда стремятся Ганин, Мартын, Франц, там живет и брат Себастьяна Найта.

Университетские годы Мартына и Себастьяна проходят в Кембридже. Найт, как и Мартын, мечтает об Англии, в сознании обоих героев эта страна обладает особым романтическим колоритом: «многое в Кембридже пришлось ему по нраву — поначалу его просто ошеломили картины, краски, запахи страны своей мечты» [5, С.41].

Однако вскоре герой «Истинной жизни Себастьяна Найта», подобно Мартыну, начинает ощущать свое одиночество: «Одиночество было лейтмотивом жизни Себастьяна, и чем внимательнее судьба пеклась о его душевном уюте, дивно имитируя исполнение его надуманных желаний, тем острее он сознавал свою **неспособность вписаться в картину** — в какую бы то ни было» [5, С.41].

Желание вписаться, войти в картину, висящую над кроватью в детской, преследует героя романа «Подвиг» всю жизнь, и ему, в отличие от Себастьяна, все-таки удастся почувствовать «холодок земли, зеленые сумерки леса, излуки тропинки, пересеченной там и сям горбатым корнем», наперекор почти гипнотической власти поездов над его жизнью.

По ходу развития действия обоих романов герои попадают в **пространство поезда-фантома**, путь и области обитания которого никому не ведомы, что подчеркивается особыми свойствами железнодорожной картографии. В романе «Подвиг» эта деталь появляется впервые: «в поезде, в немецком вагоне, где в простенках были небольшие карты как раз тех областей, по которым данный поезд не проходил» [1, С.157], чтобы затем в «Истинной жизни Себастьяна Найта» подчеркнуть ирреальность и неопределенность происходящего в ночном вагоне третьего класса, где «в простенке между окон висела карта, увы никак не связанная с маршрутом следования» [5, С.171].

Поезд выступает для обоих героев Набокова медиарным инструментом перехода в иную реальность, средством вступить на «призрачные тропы», а также порой перетягивает на себя функцию психопомпа, перевоз-

чика душ. Так, например, в романе «Подвиг» Мартыну, странствующему по коридорам вагонов, переходя из класса в класс, спящие пассажиры видятся грудой вздыхающих тел: «выйдя в освещенный коридор, пошел мимо отделений, где угадывалась сонная мешанина беспомощных, полураздетых тел, сопение и вздохи, по-рыбьи открытые рты, клонящаяся и вдруг поднимающаяся голова, а прямо ей в нос — чужая пятка» [1, С.194-195].

Герой романа «Истинная жизнь Себастьяна Найта», торопясь застать своего брата в живых, пытается «бежать наперегонки» с самой смертью, для чего он, как и мистериальный герой, оказывается помещен в преисподнюю (вагон третьего класса), поддавшись искушению выпускающего клубы пара поезда. За своё слабоволие герой наказан — он погружается в пучину адских мук, физических и душевных. Попадая в пространство поезда-фантома, в «темное, качающееся купе, набитое раскоряченными куклами», он лишается памяти и теряет свое «я», так как все его мысли оказываются подчинены ритму, отбиваемому колесами поезда-фантома.

Не в силах выпытать у ритма колес названия станции, на которой его муки прекратятся, герой делает попытки задавать поезду и другие вопросы, обращаясь к нему, как к вершителю судеб: «Успею ли? <...> Застану ли его в живых? Суждено ли мне быть рядом при его последнем дне? Суждено ли мне... при последнем дне... суждено ли мне <...>» [5, С.169].

Оба героя Набокова ночью (медиарное время суток), покинув парадоксальное пространство поезда, могут обнаружить, что, преодолев границу между мирами, попали в другую реальность. Так Мартын, герой романа «Подвиг», прыгая ночью из поезда на неизвестный полустанок, осознает, что: «<...>он уже за пограничной чертой<...>» [1, С.194]. В романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта» герой, сойдя на платформу городка Сен-Дамье, в ночь смерти своего брата, запоминает его в виде «искаженного, словно из какого-то сна», образа. А увидев этот городок два месяца спустя испытывает странное облегчение от того, что больше не блуждает «призрачными тропами, по которым ступал два месяца назад» [5, С.145].

Встреча с двойником в пространстве вагона, в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта» («из глубины оконного стекла глядел мой темный двойник»), рождает в душе героя певучий лейтмотив: «Il est dangereux... E pericoloso...» [5, С.171], подобный эху, пришедшему из романа «Подвиг», и неотвязно сопровождающему Мартына, когда в вагоне первого класса он также встречает своего двойника — своё детство: «в коридоре спального вагона, он [Мартын] остановился у полуспущенного окна и так живо вспомнил вдруг детское свое путешествие по югу Франции, и вот это откидное сидение у окна, и матерчатый ремень, при помощи которого можно было управлять поездом, и дивную мелодию на трех языках, — особенно: *периколоза*... Он подумал, — какая странная, странная выдалась жизнь, — ему показалось, что он никогда не выходил из экспресса, а просто спонялся из одного вагона в другой...» [1, С.192-193]. И если Мартын узнает своё «Я» сразу, то для героя «Истинной жизни Себастьяна Найта» пройдет ещё немало времени, пока он решится снять «маскарад», ибо, как сознаётся он в конце романа: «Себастьян — это я, или я — это Себастьян, а то глядишь, мы оба — суть кто-то, не известный ни ему, ни мне» [5, С.180].

Певучее итальянское слово «опасность» — «pericoloso» — актуализирует тему смерти, прочно связанную в контексте этих двух романов с обрядом омовения, жаждой очищения от праха и тлена, от следов грубого мира, который воплощает грязь и тряска поезда. Мартын, принимающий ванну

в поезде, видит «в этом своего рода героическую оборону: так отбивается упорная атака земли, наступающей едва заметным слоем пыли, точно ей не терпится — до срока — завладеть человеком. После ванны, как бы дурно он ни спал, Мартын проникался благодатной бодростью.

В такие минуты мысль о смерти, <...> едва волновала его, и только постепенно к вечеру она входила в силу и к ночи раздувалась иногда до чудовищных размеров. Мартыну казалось, что в обычае казнить на рассвете есть милосердие: дай Бог, чтобы это случилось утром, когда человек владеет собой» [1, С.223]. Также и брат Себастьяна находит неприличным являться перед лицом смерти (своей и Себастьяна), неся с собой «миазмы рода человеческого»: «Я жаждал смыть с себя следы грубого мира и предстать перед Себастьяном в холодной ауре чистоты. Я не смел оскорбить его обоняние миазмами рода человеческого, с которым он закончил дела» [5, С.173].

Метатекстуальные связи между двумя романами поддерживает также блестящая игра автора с текстом в жанре «*discourses de voyage*» или вагонной беседы, раскрывающей имплицитно присутствующий в системе мотивов обоих романов **мотив железной дороги как жизненного путешествия**. Рассмотрим два образца разговоров с попутчиком, выполняющим функцию конфидента, которые представляют нам романы «Подвиг» и «Истинная жизнь Себастьяна Найта». И Мартын, и брат Себастьяна едут в вагоне второго класса, оба переживают неудачу — Мартын в очередной раз отвергнут Соней, брат Себастьяна лишился единственной возможности найти возлюбленную Себастьяна Найта, оба они «собирают сведения» о загадочных женщинах — брат Себастьяна о Нине Речной, а Мартын о России.

«В грязном, до ужаса жарком *отделении второго класса* единственным спутником Мартына был пожилой француз, бритый, бровастый, с лоснящимися маслаками» [1, С.188], спутник себастьянова брата — «невысокий человек с кустистыми бровями» также француз. Оба попутчика принимают своих собеседников за англичан, причем заблуждение в обоих случаях основано на круге чтения: Мартын, как и героиня «Весны в Фиальте», читает Таухниц (англоязычная серия романов), брат Себастьяна — английскую газету (необходимо отметить жесткое правило, введенное Набоковым для своих героев — по-английски они читают только в поезде). Далее оба разговора развиваются по параллельным схемам: рассказ попутчика о себе, затем вопрос о месте и цели поездки. Довольно туманный ответ Мартына на этот вопрос звучит так: «Да, я именно путешественник, — ответил он, <...> — **но путешественник в более широком смысле. Я еду очень далеко**» [1, С.189].

Ответ героя «Истинной жизни Себастьяна Найта» на аналогичный вопрос является знаковым для всей структуры железнодорожного топоса в контексте метаромана Набокова прафабула которого попытка вернуть потерянный рай. «Ви путешественник?» осведомляется француз попутчик у героя и получив утвердительный ответ продолжает: «В куда? — спросил он, мотнув головой. — Я думаю, что в прошлое, — ответил я» [5, С.110-111].

Итак, описав основные пункты схождения в построении железнодорожного топоса романов «Подвиг» и «Истинная жизнь Себастьяна Найта», представляется возможным выделить спектр мотивов, являющихся объектом метатекстуальной игры Набокова. Это мотивы железной дороги как жизненного путешествия, мотив двойничества, вскрываемый через железнодорожный топос, мотив смерти, связанный с мотивом очищения, а также основополагающий для всех романов Набокова мотив поисков утраченного рая. Это также — и организация пространства поезда-фантома, и мотив «*discourses*

de voyage» и, наконец, общая для обоих героев и самого автора — романтическая страсть к спальным вагонам.

Таким образом, можно сделать вывод, что мотив железной дороги, включающий в себя весь спектр вышеперечисленных лейтмотивов является одной из составных частей метаромана В. Набокова. Железнодорожный топос, присутствующий в русскоязычных произведениях Набокова в контексте русской литературной традиции, в полном составе переходит, путем метатекстуальной игры автора, в первый англоязычный роман писателя и, таким образом, становится одним из связующих звеньев между двумя периодами творчества Набокова, двумя традициями — русской и западной. Этот факт подтверждает мысль В. Ерофеева о тяготении всех текстов Набокова, составляющих единый метароман, к единой изначальной матрице, ключ к разгадке которой лежит в автобиографической книге «Другие берега». А книга эта, по утверждению самого Набокова, есть ни что иное, как рассказ попутчика, в купе поезда, длиной в одну дорожную ночь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В.В. Подвиг — М., 2004.
2. Набоков В.В. Весна в Фиальте. Рассказы — М., 1989.
3. Набоков В.В. Другие берега. — М., 1989.
4. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В5т. СПб., 1999-2000.
5. Набоков В.В. «Истинная жизнь Себастьяна Найта». — Харьков, 1998.
6. Утгоф Г. Опыт сопоставительного прочтения романов В.Набокова «Подвиг» и «Истинная жизнь Себастьяна Найта» // Материалы Международной набоковской конференции. — Таллин, 2000.
7. Левинг Ю. «Вокзал—Гараж—Ангар»: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. — СПб., 2004.
8. Ролен О. Пейзажи детства: Эссе. — М., 2001
9. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.

Т.А. Марченко

НАЙВАЖЛИВІШІ ПРОЦЕСИ У ЗАСВОЄННІ ТЕРМІНОСИСТЕМИ ГОРОДНІХ КУЛЬТУР

У процесі запозичення з інших мов будь-який термін змінює не тільки зовнішню (звукову) форму, але й ті граматичні категорії, які визначають за допомогою семантичних зв'язків, а також зовнішніх ознак у вигляді різних афіксів, флексій. Запозичені терміни у системі назв городніх культур складають 70% від усіх термінів цієї групи, що пояснюється такими факторами:

1) перевагою запозиченої лексики над народнорозмовними варіантами та уніфікація діалектних назв у цій терміносистемі;

2) впливом ботанічної номенклатурної системи на підсистему назв городніх культур;

3) запозиченням як простішим шляхом утворення нового терміна.

Найбільшою серед запозичених груп є група лексичних одиниць німецького походження, що потрапили до української мови в різні історичні періоди з різних варіантів німецької мови (верхньонімецька, нововверхньонімецька, середньовверхньонімецька, давньовверхньонімецька, нижньонімецька (нвн. Mangold, свн. man(ne)golt), двн. Managold; нвн. kartoffel; свн. fasöl; свн. petersilje, нжн. reddis, gadis або нвн. Radies, нжн., сер.-нжн. redik, двн. retih, нім. Zichorie, нім. Sellerie, нім. Spinat), які представлені такими термінами в українській мові: картопля, квасоля, мангольд, петрушка, селера, фенхель, цикорій, шпинат.